

VANCHIKOVA Tsymzhii Purbuevna, Dr.Sci.(Hist.), Professor of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; vanchikova_ts@mail.ru)

NATIONAL COUNCIL ON MONGOLIAN STUDIES AS A MECHANISM OF FORMING A MODERN NATIONAL IDEA FOR MONGOLIA (2014–2015)

Abstract. The article considers the activities of the National Council for Mongolian Studies organized in 2014 according to the Decree of the president of Mongolia Ts. Elbegdorzh. The author analyzes the purpose and tasks of the Council. The main objective of the Centre is formation of the new modern national idea in which the Mongolian studies are of great importance. The National Council has done a large and versatile work directed to strengthening both scientific potential of specialists in Mongolian studies, and international image of the country in general. Among the most successful results of the Council's activities, the author notes two publishing projects: the publication of selected collections of works of the well-known scholars in Mongolian studies and the publication of unique written legacy monuments of Mongolian peoples.

Keywords: National Council on Mongolian Studies, formation of national idea, Byambyn Rinchen, Chimediiin Demchigdorzh, Yuan shih

ХАЛИЛОВ Тимур Александрович – научный редактор журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» (350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, оф. 301, tkhalilov86@gmail.com)

БАЛАНС ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье автор выявляет преобладание неформальных практик политического взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России. Причиной этого является институциональный порядок, при котором предпочтительна фрагментарная (экономическая) модернизация и слаба заинтересованность в системной модернизации. Это приводит к воспроизводству в России неформальных практик взаимодействия власти и бизнеса (государственного капитализма, корпоративного капитализма, консенсусной коррупции).

Ключевые слова: политическое взаимодействие, власть, бизнес, формальные и неформальные практики, баланс, постсоциалистическая Россия

Актуальность заявленной темы определяется тем, что взаимодействие власти и бизнеса является одной из несущих конструкций эффективности политической системы и рекрутинга правящих элит. Поэтому важно выявить баланс практик политического взаимодействия власти и бизнеса в Российской Федерации.

Цель статьи – выявить баланс формальных и неформальных практик политического взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России. Теоретической основой работы является неоинституциональный подход. Практики взаимодействия власти и бизнеса классифицированы по осям «формальное – неформальное политическое взаимодействие» и «формальное – неформальное экономическое взаимодействие». Сочетание формального политического и формального экономического взаимодействия рождает плюралисти-

ческую демократию. Формальное политическое и неформальное экономическое взаимодействие создает корпоративный капитализм. Неформальное политическое и неформальное экономическое взаимодействие дают государственный капитализм. Комбинация неформального политического и неформального экономического взаимодействия предполагает консенсусную коррупцию.

Проверим гипотезу на материалах социологических опросов. Так, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) в 2015 г. провел анкетный опрос своих членов (пропорциональная выборка – 608 чел.). Респонденты полагают, что власть относится к бизнесу «не на словах, а на деле», как: к своему кошельку (46,2% ответов), к младшему партнеру (33,8%), к питательной среде коррупции (17,5%). Только 15% предпринимателей считают, что власть оценивает их как равноправных партнеров. Признают, что власть относится к бизнесу как к объекту постоянной защиты лишь 7,5% опрошенных предпринимателей РСПП¹.

Среди практик взаимодействия бизнеса с властью члены РСПП считают наиболее эффективными: личные контакты с представителями власти (78% ответов), бизнес-ассоциации и отраслевые объединения (44%), участие в круглых столах и конференциях (около 39%), участие в выборных органах власти (до 1/3), работу в составе постоянных совещательных органов (23%), участие в оценке регулирующего воздействия законопроектов – менее 10%².

Политические факторы не воспринимаются опрошенными членами РСПП в качестве наиболее важных вопросов. Места с 1-го по 5-е в рейтинге занимают экономические проблемы: рост цен, высокие налоги, трудности кредитования. Далее идут политические факторы: 6-е место по значимости занимают «высокие административные барьеры» – 23,1% ответов, 7-е – «коррупция в органах власти» (23,0%), 8-е – «неэффективная судебная система» (20,5%)³. Это можно объяснить тем, что бизнес принимает данный порядок, «встроен» в его практики.

Важный экспертный опрос провели Л.И. Никовская и В.Н. Якимец в среде малого и среднего бизнеса (МСБ) г. Санкт-Петербурга (июнь 2011 г., выборка – 360 чел.). Несостоятельными институтами политики названы: общественный контроль за деятельностью власти, противодействие коррупции, поддержка гражданских инициатив. Среди «слабо состоятельных» институтов упомянуты: судебная власть, условия деятельности конструктивной оппозиции, формирование и поддержка общественных интересов, общественно-консультативные советы. Преобладающими факторами, препятствующими развитию публичной политики, эксперты назвали: монополизм административного режима, чрезмерный бюрократизм и закрытость системы местного самоуправления (10 баллов из 10 возможных), отсутствие институтов взаимодействия МСБ с властью (9 баллов), недостаточную компетентность и заинтересованность МСБ в таком взаимодействии (8 баллов) [Никовская, Якимец: 2015: 262–263].

Различия политических установок государственных служащих и предпринимателей прослеживаются в данных анкетного опроса, проведенного Институтом общественного проектирования (выборка – 326 чел., 30 субъектов РФ, 2007 г.). На вопрос: «Каков должен быть характер государственной власти в России?», должна ли власть обеспечивать в первую очередь порядок или свободу граждан – среди государственных служащих выбрали приоритет «порядок» 83% сотрудников правоохранительных органов, 78% депутатов, 76% госслужащих исполнительной власти, 58% сотрудников судебной власти. Предпочтения бизнесменов

¹ Деловой климат глазами бизнеса: оценки компаний – членов РСПП. – *Бизнес России*. 2016. № 1(178). С. 16–17.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 12.

относительно либеральны – 62% выбрали «порядок» [Сумма идеологии... 2008: 287-289].

Второе измерение – выбор между сильным государственным регулированием экономики или свободным рынком. На вопрос: «Что главное для страны – укрепление государства и закона или развитие частной инициативы и предпринимательства?» – сделали выбор в пользу государства 71–83% представителей политических элит и 39% бизнес-элит [Сумма идеологии... 2008: 289-290]. Уточнить диспозицию можно по ответам на вопрос: «Что важнее – свобода или равенство?» Среди политических элит баланс почти равен – 48% к 52% в пользу свободы, но парламентская и правоохранительная элиты склонялись к поддержке равенства [Сумма идеологии... 2008: 289-290].

Характерно распределение ответов на вопрос о необходимости развития малого бизнеса, предпринимательской среды и рыночных отношений. Назвали эти задачи приоритетами политики России 32,3% респондентов из бизнес-элиты, по 25% депутатов и судей, 15,6% госслужащих исполнительной власти и 3,6% силовиков [Сумма идеологии... 2008: 289-290].

Государственные служащие и предприниматели федерального уровня имеют контрастное понимание приоритетов и практик политики. Госслужащие придерживаются консервативные ориентации и установки, а бизнесмены – либеральные. Вывод подтверждается контент-анализом отчетов 15 глав субъектов федерации в Центральном федеральном округе за 2011–2012 гг., на основе которого С.В. Расторгуев разработал модель взаимодействия губернаторов с бизнесом [Расторгуев: 2013: 140-158].

Политические взаимодействия власти и бизнеса на региональном уровне, как установила А.Е. Чирикова, могут быть разделены на 4 модели: партнерство, патронаж, «приватизация власти» и подавление [Чирикова: 2010: 184-231]. Характерно движение от преобладающей четвертой модели ко второй, а в модернизированных регионах – к первой. По подсчетам С.В. Расторгуева, среди депутатов законодательных органов областей Центрального федерального округа в 2000–2011 гг. бизнесмены составляют в среднем 50% [Расторгуев: 2013: 78-99], среди них преобладают владельцы или топ-менеджеры крупного бизнеса.

В постсоциалистической России сосуществует ряд институциональных порядков взаимодействия власти и бизнеса. Налицо практики плюралистической демократии, хотя и не слишком распространенные. Их проявления: механизмы оценки регулирующего воздействия, открытое правительство, Агентство стратегических инициатив, бизнес-омбудсмены и пр. Активно лоббируют групповые интересы такие бизнес-ассоциации, как Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата РФ, Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России», Общероссийская общественная организация «Деловая Россия» [Бизнес и власть... 2015: 185-207, 254-269]. Их руководители возглавляют отраслевые национальные советы при Президенте России, участвуют в наблюдательном совете Агентства стратегических инициатив.

Модель корпоративного капитализма, сочетая формальное политическое и неформальное экономическое взаимодействие, представлена практикой передачи на аутсорсинг контрагентом части собственных управленческих функций (платежная система «Платон»). Проявлениями государственного капитализма, который трансформируется в государственный корпоративизм (неформальное политическое и формальное экономическое взаимодействие), являются государственные корпорации, государственные торги, закупки, заказы и аукционы. Наличие консенсусной коррупции возможно в силу незавершенности институ-

ционализации нормативного порядка (отсутствие федерального закона о лоббизме).

Итак, в постсоциалистической России неформальные практики составляют институциональное ядро политического порядка, а формальные процедуры являются его внешними проявлениями. Три из четырех изученных порядков содержат неформальное ядро. Система политических взаимодействий власти и бизнеса – асимметричная, но устойчивая. Система позволяет политико-административной элите контролировать поведение бизнеса, диктовать направленность, формы и механизмы взаимодействия, определять стратегию государственной политики.

Список литературы

Бизнес и власть в России: формирование благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата (науч. ред., рук. авт. кол. А.Н. Шохин). 2015. М.: ИД ВШЭ. 461 с.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. 2015. Публичная политика в регионах России: особенности развития в контексте оценки состоятельности институтов. – *Идеи и ценности в политике. Политическая наука: ежегодник 2015*. М.: Политическая энциклопедия. С. 253–269.

Расторгуев С.В. 2013. *Власть и бизнес в современной России*. М.: РОССПЭН. 327 с.

Сумма идеологии: Мировоззрение и идеология современной российской элиты (рук. проекта М. Тарусин). 2008. М.: Институт общественного проектирования. 296 с.

Чирикова А.Ю. 2010. *Региональные элиты России*. М.: Аспект Пресс. 271 с.

KHALILOV Timur Aleksandrovich, Science Editor, Science Journal «Historical and Social-Educational Ideas» (32, off. 301 Zavodskaya St, Pashkovsky microdistrict, Krasnodar, Russia, 350080; tkhalilov86@gmail.com)

BALANCE OF FORMAL AND INFORMAL PRACTICES OF POLITICAL INTERACTION BETWEEN POWER AND BUSINESS IN POST-SOCIALIST RUSSIA

Abstract. The article established predominance of informal practices of political interaction between business and power in post-socialist Russia. This leads to reproduction of informal practices of interaction between power and business (state capitalism, corporate capitalism, consensus corruption). Contemporary Russia shows a practice of pluralistic democracy as the order of the formal political engagement, although less common. Its manifestations are: mechanisms of regulatory impact assessment, open government, Agency of Strategic Initiatives, business ombudsmen, business associations. Manifestations of the institutional order of state capitalism in Russia, which transformed into the order of state corporatism (formal and informal political economic interaction), are public corporations, public bids, purchase orders and auctions. The system of political interaction between business and government is asymmetric, but stable. This system allows the political-administrative elite to control behavior of any business actor, dictate them directions, forms and mechanisms of interaction, define resource base of public policy and its strategy.

Keywords: political interaction, power, business, formal and informal practices, balance, post-socialist Russia

САЛАХОВА Валентина Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42; valentina_nauka@mail.ru)

МИТИНА Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42; cherrity07@mail.ru)

ПРОБЛЕМА РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Аннотация. В статье представлен результат теоретического анализа проблемы ресоциализации в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Дано определение понятия ресоциализации в исправительных учреждениях в контексте социальной психологии.

Ключевые слова: ресоциализация, уголовно-исполнительная система, уголовное наказание, личность осужденного, исправление осужденного, методы исполнения наказания

Целью исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России является исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы, обеспечение ресоциализации осужденных в ходе отбывания ими этого наказания, подготовка их к адаптации к условиям жизни современного общества после освобождения из мест лишения свободы. Ресоциализация осужденных в процессе исполнения и отбывания наказания является ведущей задачей пенитенциарных учреждений. Однако практика исполнения наказания в виде лишения свободы является многогранной и противоречивой. С одной стороны, исправительные учреждения должны обеспечить вхождение осужденного в социум, а с другой – в них исполняется наказание в виде лишения свободы и реализуются его цели по средствам режима, правилами которого регламентируется поведение осужденных, определяются пределы и приемы коррекционно-исправительного воздействия на осужденных, что не имеет места в жизни на свободе. Кроме того, анализ исследований, посвященных данной проблеме, позволяет говорить о том, что в период отбывания наказания у осужденных культивируются такие негативные черты, как склонность к насилию, корысть, неуважение к обществу и др. (Ю.М. Антонян, М.И. Гернет, М.Г. Дебольский и др.), а методы, ориентированные на исправление преступника, не вызывают продуктивных изменений в деформированной личности (Ю.А. Алферов, Л.Н. Анцыферова, Е.М. Данилин, В.И. Игнатенко, А.Р. Ратинов и др.).

Соединение этих моментов в жизни осужденного – важнейшая социальная проблема, поскольку во время установленного приговором суда срока лишения свободы воспитательная функция права выступает в качестве средства ресоциализации личности осужденного, процесса, составляющими которого являются в т.ч. профилактика преступлений и подготовка осужденных к жизни на свободе.

Ресоциализация осужденных как социально-правовая категория востребована социально-экономическими, политическими реалиями жизни современного российского общества. Она обеспечивает реализацию принципов социальной справедливости, гуманизма, законности, дифференциации и индивидуализации наказания, исправления осужденных [Рыбак 1998].

Отдельные проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы, механизма ее реализации под различным углом зрения рассматривались в работах Т.Н. Волковой, В.А. Елеонского, Б.П. Козаченко, М.П. Мелентьева, А.В. Пищелко, П.Г. Пономарева, Т.Г. Предова, А.А. Рябина, А.Ф. Сизого, Н.А. Стручкова, А.В. Чернышевой, В.Е. Южанина и др., однако исследования